

ВРЕМЯ ЧЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА

ЗАХАР ДИЧАРОВ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Действие романа-памфлета советского писателя Захара Дичарова происходит в наши дни в вымышленном Государстве КАФ, главным образом в столице этого государства — Алмазном Городе.

Государство КАФ расположено в Южной Африке; его прообразом является современная Южно-Африканская Республика. И хотя буквы «КАФ» обозначают «Каунтри оф Анфейнд Фридэм» — «Страна Неподдельной Свободы», на самом деле это государство — образец воинствующего расизма и апартеида.

Негласным правителем Государства КАФ является крупнейший промышленный магнат Хэм Буа-Крэбиш, в руках которого сосредоточены важнейшие отрасли индустрии этой страны. Премьер-министр Хинрих Мертвурд — его послушный слуга.

Государство КАФ — типичное полицейское, полуфашистское государство, коренное население которого, черный народ тоумау, находится в состоянии политического бесправия, унижено и ввергнуто в экономическое рабство. Над тринадцатью миллионами черных безраздельно властвует кучка белых узурпаторов и капиталистов.

Крупный кафянский ученый-физиолог, профессор Гумри Дримеон, белый, — человек большого сердца и чистой совести — поставил своей целью найти средство, которое избавило бы черное население Государства КАФ от всех несчастий, какие ему приходится терпеть. Гумри Дримеон не может смириться с ужасной долей, доставшейся чернокожим, но счита-

ет, что изменить положение может и должна не борьба с диктатурой расистов, а научное открытие. И это открытие он делает. Сущность его заключается в том, что Дримеон находит препарат, способный изменить цвет кожи, ибо, по мнению ученого, все дело в этом.

Вместе с Дримеоном в его лаборатории работает молодой ученый, чернокожий Руани Мбао, не менее своего учителя и патрона верящий в значение «Белой кожи» (так называется препарат).

Но с Руани происходит несчастье. Он становится жертвой провокации со стороны белой проститутки, которая ложно обвиняет его в попытке напасть на нее.

Не будучи уверен в том, что Руани удастся опровергнуть возведенную на него клевету, Дримеон вводит ему препарат «БК-1113» («Белую кожу»), чтобы превратить его в белого и оградить от действия расистских законов.

Однако об открытии Дримеона случайно узнает Буа-Крэбиш, который решает любым способом завладеть препаратом и использовать его для еще большего порабощения черных.

Сначала он пытается добиться своего путем переговоров с Дримеоном, но тот отказывается продать свое открытие. Тогда в ход идут шантаж, угрозы, арест Руани, обвинение ученого в государственной измене.

Дримеон, под влиянием событий начинающий понимать глубокую ошибочность своих убеждений, перестает делать из своего открытия тайну и сообщает о нем в прессе.

Одновременно с этими событиями в Государстве КАФ разворачиваются события гораздо более серьезные и значительные.

Для того чтобы подавить все возрастающее сопротивление народа расовому гнету, клика Мертвурда — Буа-Крэбиша замышляет произвести «кровопускание». Проводится широкая операция, во время которой полиция арестовывает сотни прогрессивно настроенных людей, как черных, так и белых.

Таким образом, в романе развиваются две главные сюжетные линии: борьба группы капиталистических хищников вокруг «Белой кожи» и борьба передовой части народа тоумау и прогрессивных белых против расизма и апартеида, против диктатуры Мертвурда и Буа-Крэбиша.

В целях расправы с людьми, руководящими этой борьбой, — участниками Фронта независимости африканцев правительство инсценирует фальшивый процесс о государственной измене («дело 200»), который объединяет затем с процессом против Руани Мбао и Дримеона. Но это не спасает положения. Народ сбрасывает ненавистное ему иго колонизаторов и устанавливает свою власть. В этой борьбе гибнет Руани Мбао, невинно казненный Мертвурдом, гибнет один из вождей тоумау — Неэфо Атталу, напоминающий своим духовным обликом Патриса Лумумбу, — но справедливость торжествует.

Мы публикуем отрывок из романа — о судебном процессе над борцами против расизма.

ЕЖЕДНЕВНО в строго назначенный час Главный суд начинал заседать по «делу 200». Фемида лицедействовала. Все здесь было, как в хорошо организованном театре: режиссер-постановщик спектакля — сиречь главный судья — давал знак, и занавес взвивался. Были тут и актеры — шпики и полицейские, изображавшие собой беспристрастных свидетелей. Был и суфлер — главный обвинитель Длавс Рипру. Не обошлось и без статистов — присяжных заседателей и судебных чиновников.

Все было заранее расписано, составлено, начертано. И только те, кого принято называть главными действующими лицами — двести обвиняемых в государственной измене, Руани Мбао — двести первый и Гумри Дримеон — двести второй, упорно не желали принимать участия в сочиненной расистами драме.

Они не принимали их пьесы, все акты которой (а их оказалось необычайно много) помещались в пухлых папках с надписью: «Дело о государственной измене в Кафянии». И в скобках — «Белая кожа». Они не соглашались ни с текстом, ни с трактовкой образов, ни с характеристикой ролей, ни с ремарками — словом, ни с чем.

Щегольски одетый, свежес выбритый прокурор Длавс Рипру, освещаемый лучами рефлекторов, снисходительно отвечал на вопросы главного судьи Бэтраля Жонстоппа, подавал резкие реплики представителям защиты, надменно допрашивал свидетелей, злобно нападал на обвиняемых, позировал перед кинохроникой и репортерами, улыбался знакомым дамам в публике.

Он восседал на возвышении слева от суда. А справа от судивших в огромной провололочной клетке теснились судимые. В стороне в малиновой мантии, в розоватом чепце, примостившемся на затылке, сидел важный и безразличный викарий Алмазного Города Кукворо Цу, приводивший обвиняемых к присяге.

Один за другим выходили двести человек и, подняв правую руку, повторяли за викарием:

— Я, такой-то, обязуюсь говорить правду, только правду, ничего, кроме правды!.. — Двести человек... Двести сердец. Двести судеб.

Но для Длавса Рипру или для Бэтраля Жонстоппа все они были только:

— Номер 82-й, обвиняемый Рмэмфо Дэйол! Объясните суду — как вы понимаете слова: «утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равные права мужчин и женщин...», обнаруженные в вашей записной книжке и подчеркнутые красным? Из какого коммунистического документа они взяты?

— Это действительно весьма ответственный документ, — отвечает Рмэмфо Дэйол, и в его запавших глазах сверкают искорки юмора. — Под ним действительно подписались представители ряда коммунистических держав. Это...

— Прошу, ваша милость, точно зафиксировать показания номера 82-го! — прерывает его Длавс Рипру, испытывающий дрожь торжества. — Продолжайте!

— ...это Устав Организации Объединенных Наций. Нарастающий смех прокатывается по залу. Номер 82-й отправляется на место, а Длавс Рипру, нимало не смущенный таким оборотом дела, думает уже, о чем бы таком-этаким спросить номер 141-й

или номер 189-й. Все обвиняемые для него не люди, а только номера. Он равнодушно смотрит на провололочную клетку, где шевелятся пятна человеческих лиц — черных и белых, коричневых и рыжеватосмуглых.

В чем же их обвиняют, номер 1-й, 2-й, 3-й — и так далее, вплоть до номера 200-го?..

Было бы правильной спросить, в чем их не обвиняют...

И в том, что все они — 200 обвиняемых — подготавливали государственный переворот.

И в том, что по их заданию, по заданию Фронта независимости, профессор Гумри Дримеон сделал открытие, которое способно превратить всех черных в Государстве КАФ — в белых, а белых — в черных.

Благоухая духами, сверкая неотразимой улыбкой, известный покоритель дамских сердец его прокурорство господин Длавс Рипру утверждает, что обвиняемые:

требовали предоставления политических прав неевропейцам; а это — коммунизм;

одобряли гуманное отношение к народу тоумау; а это — коммунизм;

были профсоюзными активистами; а это — коммунизм;

состояли во Фронте независимости; а это — коммунизм;

были членами Общества дружбы с СССР; а это — коммунизм;

большинство из них имеют черную кожу, и уже по одному этому не могут не быть коммунистами.

И — ах, как бы хотелось доказать блистательному главному обвинителю, что если не во всем, то почти во всем, повинна рука Москвы!

На следующий день в либеральной прессе появились комментарии к речи Длавса Рипру. «Он с таким искусством изобразил блага, приносимые народу коммунизмом, — иронически отмечалось в отчете, — что если обвиняемые даже и не были до сих пор коммунистами, то должны стать ими!..»

Один за другим проходили перед судом «свидетели». Большею частью это были полицейские шпики и агенты с тупыми и циничными лицами, продажность которых не вызывала никаких сомнений. Не имея ни достаточного ума, ни способности разобратся в том, что им удалось подслушать, вызнать, записать, они сочиняли небылицы и нелепицы, нагромождали одну выдумку на другую, лгали, изворачивались.

Какие факты приводили они, эти люди, чья жизнь состояла из лжи и обмана?

О, за фактами дело не стало. Помилуйте, их сколько угодно.

Например, свидетель Праш Канибл, белый. Его внешность можно назвать предельно контрастной. На тощем лице выпячивается толстый, массивный нос; один глаз прикрыт черной повязкой и ничего не видит, но зато другой сверкает неистовым блеском и, кажется, готов пробуравить любого, кто попытается возражать его обладателю. Узкие плечи поразительно не соответствуют длинным, похожим на обезьяньи, рукам.

Вот он дает показания о том, что Фронт независимости заставлял его мать, старуху 109 лет, агитировать против правительства его превосходительства Хинриха Мертвурда...

Свидетель Кепера Тубан, черный, показал, что пять лет назад агенты Фронта независимости сожгли у него на ферме овечий хлев в отместку за

то, что он, Кепера Тубан, отказывался принять участие в покушении на господина Хмэма Буа-Крэбиша.

Свидетель Монсо Басенгу, цветной, поклявшись говорить «правду и только правду», сообщил, что профессор Дримеон, отрекомендовавшись как один из руководителей тайной организации Фронт независимости, предлагал ему за деньги переменить цвет кожи...

— А больше он ни на чем не настаивал? — прокинованным и участливым тоном спросил прокурор. — Быть может, он еще что-нибудь предлагал вам?..

И тогда свидетель Монсо Басенгу, непрестанно могававший подслеповатыми глазками и жевавший губами так, словно у него во рту была соска или пряник, «припомнил», что «этот, как его, ну — Дри... Дри-ме-он — прости меня бог, никак не запомнишь его имени, — он действительно предлагал мне, Монсо Басенгу, еще кое-что...»

— Что же именно?.. — допытывался Длавс Рипру, вперившись в лицо Басенгу хищным взглядом.

— А-а-а он... — мямлил Басенгу и вдруг «вспомнил»: — Он давал мне фальшивые деньги, чтобы я вербовал негров для этой... ну — для «Белой кожи» и чтобы потом я этих негров, крашенных то есть, передавал Фронту независимости. Вот!

После этого к Монсо Басенгу обратился с вопросами защитник Ксайс, и спустя пять минут всем стало ясно, что «свидетель» — не кто иной, как неоднократно судившийся фальшивомонетчик, к тому же никогда не выдавший Дримеона в глаза. Когда ему было предложено показать ученого в лицо, он ткнул пальцем в... обвиняемого Эзнуга Арцо.

Но такие провалы отнюдь не смущали Длавса Рипру. В приговоре он был уверен независимо от свидетельских показаний.

Он исходил из того, что все сказанное свидетелем обвинения тут же станет достоянием прессы, купленной Мертвурдом и Буа-Крэбишем, а разоблачения свидетелей защиты не выйдут за пределы зала судебных заседаний.

Но он ошибся. Процесс этот, как нередко и случается с подобными процессами, превратился в обвинение обвинителей. Все, что говорилось и делалось на суде, почти немедленно становилось известным, как ни старалась помешать этому Полиция Охраны Общественного Порядка. Листовки Фронта независимости, неуловимый штаб которого продолжал действовать так же, как и раньше, и даже еще активней, разносили истину не только по всему Государству КАФ, но и по всему миру.

Напрасно изощрялся суд в попытках заткнуть рты обвиняемым. Напрасно придумывались отводы, накладывались запреты, вводился жесткий регламент...

— Обвиняемый Неэфо Атталу, вам предоставляется слово.

Неэфо встает: высокий, статный человек с коричневым, темно-золотистым лицом. Короткие усы над полными, красиво изогнутыми губами. Небольшая бородка, окаймляющая широкий твердый подбородок. Для премьера Мертвурда Атталу — «враг номер один».

— Нам инкриминируется «государственная измена и враждебные действия против государства», хотя вся наша «вина» состоит в том, что мы осмелились выступить против расовых преследований. Господин Длавс Рипру утверждает, что мы нарушаем законы Государства КАФ. Но что это за законы? Чьи они и для кого?

Белый человек богатый белый человек, пришел к нам и сказал: «Вот вам Закон!» Он дал нам Закон

и забрал нашу землю. И теперь у нас есть Закон — его Закон, но нет земли.

Что же он гласит, этот Закон?

Африканец не имеет права учиться в школе для белых.

Африканец не смеет жениться на белой женщине.

Африканцы не имеют права находиться вместе с белыми в лифте, в автобусе, в парке, в сквере, в кино, в вагоне поезда, в концертном зале.

Африканец — пусть даже ему грозит смерть — не может быть положен в больницу, где лечат белых.

И только деньги платить разрешается одновременно и белому и черному. В одну кассу. Деньги не пахнут.

Все может сделать этот Закон с черным: отстегать плетью, послать на принудительные работы, согнать с земли. Убить. Все. А на что имеет право черный?..

Кто дышит ядовитыми испарениями в тропическом лесу? Кто спускается в бездонные рудники Буа-Крэбиша? Кто, падая от нестерпимой усталости и зноя, разгружает пароходы в порту Алмазного Города? Африканцы. Тоумау. Лишь на это они имеют право.

Сколько в среднем живет европеец — гражданин Государства КАФ? По официальной статистике — не менее шестидесяти одного года. Сколько в среднем длится жизнь африканца? Не более двадцати восьми — тридцати лет. На весь народ тоумау, на тринадцать миллионов человек, — только восемьдесят три, имеющих высшее образование.

К услугам белых один врач на девятьсот двадцать человек и одна больничная койка на двести два человека. Для черных — один врач на сто тридцать три тысячи. Одна больничная койка — на четыре тысячи триста человек.

Тоумау сегодня питаются хуже, чем сто лет назад. Их жилища ничем не отличаются от тех, что были у них на заре прошлого века.

Тираническое колониальное управление. Нищета и бесправие...

Он говорил, не повышая голоса, но казалось, каждое слово его отдается громом в ушах сидящих в зале, за проволочной сеткой, на возвышении для судей...

— Полтораэта лет существует Государство КАФ — и полтораэта лет белые господа властвуют над черными и белыми рабами! Да, и над белыми. Ибо сколько граждан нашей страны, имеющих белую кожу, также испытывают нищету, страдания и гнет!

Вы утверждаете, господин Длавс Рипру, что народу тоумау нужна еще опека, что он не научился самостоятельно ходить... Но как сможет человек ходить, если он закован? Разбейте цепи — и вы убедитесь: мы сумеем шагать быстро, как никто другой!

По предложению главы великой Страны Советов господина Хрущева Организация Объединенных Наций приняла декларацию о ликвидации колониализма. Вы скрыли ее от народа тоумау, но это вам не поможет!

Африка не будет больше просить и ждать — она сама возьмет свою свободу!

Напрасны все ваши старания. Еще немного, и все придет в движение. И скольких бы жертв это ни стоило, все равно: рушатся темницы форта Пинг-Пинг, да и все ваше государство — тюрьма для народов, населяющих его, — обратится в развалины!

Сыновья и дочери Африки! Так же как солнце восходит на востоке, так же неизбежно мы придем к победе!